

РСФСР

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

Г. П. Б. в ЛИБ.
ОБЯЗ. ЭКЗ.
1928.

П 4
42

ПЕЧАТЬ

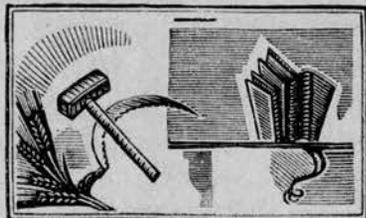
И

РЕВОЛЮЦИЯ

Ж У Р Н А Л

ЛИТЕРАТУРЫ ИСКУССТВА
КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ
ПРИ БЛИЖАЙШЕМ УЧАСТИИ

А. В. ЛУНАЧАРСКОГО, Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА,
М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО,
И. И. СТЕПАНОВА-СКВОРЦОВА.

КНИГА ТРЕТЬЯ
АПРЕЛЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Государственная
Публичная Библиотека

в Ленинграде

МОСКВА 1928

Редакция
номера закончена
25/III

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ.

1. И. Сергиевский. ПУТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПУШКИНОВЕДЕНИЯ. 5
2. А. Дивильковский. «КАМЕННЫЙ ГОСТЬ» — СИЛЬНЕЙШЕЕ ЗВЕНО ПУШКИНСКОГО РЕАЛИЗМА (окончание) 16
3. В. С. Дороватовская-Любимова. «ИДИОТ» ДОСТОЕВСКОГО И УГОЛОВНАЯ ХРОНИКА ЕГО ВРЕМЕНИ 31

4. В ДИСКУССИОННОМ ПОРЯДКЕ.

4. В. Вересаев. ЗАМЕТКИ О ПУШКИНЕ 54
5. К. Зеленина. РИСУНКИ Н. П. УЛЬЯНОВА (с иллюстр.) 66

6—10. ОБОЗРЕНИЕ ИСКУССТВ И ЛИТЕРАТУРЫ.

6. Вяч. Полонский. ЛИСТКИ ИЗ БЛОКНОТА 84
7. П. Алгасов и С. Панентрейгер. В ПОИСКАХ СТРОИТЕЛЯ («Шуба» Глеба Алексеева) 92
8. Евг. Северин. «ВОР» Л. ЛЕОНОВА 96
9. Федоров-Давыдов. КУЛЬТУРА И СТИЛЬ (о книге Иоффе) 102
10. В. Гоффэншефер. О СТАТЬЕ КАРЛА КОССОВА И О РАБОЧЕМ ЧИТАТЕЛЕ 107

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ.

- I. Империализм и международная политика. В. Дембо 114
- II. Экономические науки и народное хозяйство. Г. Сокольников, Ю. Спасского 116
- III. История.
 - а) Русская история. И. Макарова 121
 - б) История революционного движения на Западе. Р. Авербух, М. Горова, Г. Глезермана 122
 - в) История революционного движения в России. В. Невского 126
- IV. История культуры. В. Авдиева, П. Брунова 133
- V. Науки об обществе и государстве. И. Ильинского, Д. Родэн-Рубинштейна 136

VI. Литература о молодежи. Ипполита	141
VII. Народное просвещение. А. Пинкевича, Ал. Иоаннисвани	144
VIII. Библиография и библиотекосведение. Н. Здобнова	149
IX. Народы и страны. Е. Пчелиной	150
X. Теория и история литературы. Ульриха Фохта, М. Нечкиной, И. Сергеевского, Н. Бельчикова, С. М. Брейтбурга, Арк. Глаголева	153
XI. Художественная литература.	
а) Русская. И. Поступальского, В. Красильникова, С. Пакен-трейгера, В. Гольцева, А. Аросева, Арк. Глаголева, П. Алгасова, Анны Шафир, А. Р. Палея, М. Богомазовой	173
б) Иностранная. С. Динамова, М. Лейтейзена, Г. Серебряковой, Евг. Браудо	175
XII. Детская литература. М. Гершензона	178
XIII. Искусства. П. Маркова, Вас. Сахновского, Н. Брунова, А. Греча, А. Углова, Ан. Жардинье	181

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

1. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ А. БЕЗЫМЕНСКОГО	196
2. Л. ТООМ. О творческих путях пролетарской литературы	196
3. С. РОДОВ. Кризис пролетарской литературы	202
4. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ЧЛЕНОВ ГРУППЫ «СТРОЙКА»	218
5. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ГРУППЫ АКТИВНЫХ РАБОТНИКОВ АППА'а ГРУЗИИ»	220
6. Пл. КИКОДЗЕ. По поводу расколов и отходов в ассоциациях пролетарских писателей	220
Литературная хроника	223
Письмо в редакцию И. И. Гливенно, В. Фриче, В. Переверзева, Б. Горева	240
24 иллюстрации в тексте.	

У. О СТАТЬЕ КАРЛА КОССОВА И О РАБОЧЕМ ЧИТАТЕЛЕ.

В. Гоффеншефер.

Вопрос о читателе, «читательская проблема», очень волнует сейчас нашу критику. Если раньше проблема изучения читателя являлась лишь уделом библиотековедения и так называемой «библиопсихологии» (Рубакин), то сейчас она стала *литературной* проблемой.

Без учета читательского восприятия не может быть ни критики ни научного литературоведения. Без учета реакции, вызываемой данным художественным произведением в различных социальных

читательских группах, это произведение не может быть достаточно оценено. Старая формула: «скажи мне, что ты читаешь, и я скажу тебе, кто ты» принимает здесь другой вид: «скажи мне, кто тебя читает, и я скажу тебе, что ты за книга».

Но читатели изучают не только для психологии творчества, вернее, «сотворчества», и не только для целей литературного исследования. Его изучают во многих случаях и тогда, когда необходимо установить контакт между ним и

литературой. Результаты этого изучения одинаково полезны и для читателя и для литературы. С одной стороны, выясняется, как можно приблизить читателя к литературе, с другой — как можно приблизить литературу к читателю.

В стадии литературного перелома и строительства новой литературы выявилась насущная необходимость «найти» читателя, создателя и потребителя художественных ценностей. Если, начиная со времен Эмиля Геннеке и кончая недавним прошлым, критика говорила о читателе «вообще», об абстрактном читателе, и лишь изредка обращала внимание на классовую подоплеку читательского вопроса, то в наши дни существует твердая тенденция изучать не какого-то отвлеченного и собирательного читателя, а *конкретного и определенного в классовом отношении* индивидуума. И понятно, что наша критика стремится «найти» и изучить в первую очередь *рабочего читателя*.

Изучение рабочего читателя принимает у нас характер планомерной кампании. Библиотеки, специальные читательские анкеты, литературные и читательские кружки на предприятных, корреспондентские читательские бюро при издательствах, вечера «смычки» между писателями и рабочим читателем, общественные диспуты и суды по поводу того или иного произведения — вот те многообразные способы, посредством которых добывается у нас материал по изучению рабочего читателя, материал, лежащий в основе многих статей и книжек по этому вопросу.

Правда, сделано нами в области изучения рабочего читателя еще слишком мало, но в сравнении с буржуазными странами мы прыгнули далеко вперед. В Западной Европе имеется довольно солидная литература по изучению читателя «вообще»; читателем занимаются также специальные научные учреждения (напр., известный Международный библиологический институт в Женеве, возглавляемый Н. А. Рубакиным). Наконец в той же Германии мы наблюдаем серьезные попытки построения социологии литературных вкусов и классового определения читательского восприятия (Л. Шюкинг и др.). Но изучение рабо-

чего читателя все еще ведется там в виде случайных экскурсов в толщу читательских масс.

В то время как у нас рабочий читатель не только изучается, но и сам говорит о себе («Сфинкс говорящий» — так озаглавил удачно свою статью о рабочем читателе З. Штейнман, «Новый мир», 1927, IV), на Западе он все еще остается сфинксом, задающим критике загадки и заставляющим говорить за себя других.

Таким хотя бы и искренним и небезосновательным, но все же говорением за других и разгадыванием загадок и представляется нам предлагаемая вниманию читателя статья Карла Коссова «Что читает немецкий рабочий?»

Немецкий журнал «Die Literatur», в котором эта статья напечатана, является одним из наиболее левых мелкобуржуазных изданий, посвященных критике и истории литературы. Идеологическую позицию журнала отчасти характеризует его пристальное и положительное внимание к литературной жизни Советского Союза. В обзорах и отделе хроники освещаются новинки современной русской литературы, в одном из последних номеров журнала была напечатана очень прочувствованная и горячая статья о Ларисе Рейснер и т. д.

Журнал этот активно участвует в литературной жизни Германии и занимает в ней далеко не последнее место. Стремясь найти твердый путь для переживающих сейчас острый кризис немецкой критики и литературы, журнал печатает серию статей о сущности и задачах критики, о проблеме различных литературных жанров в связи с современностью, о ряде других вопросов и, между прочим, — о читателе. Литературный кризис заставляет и здесь обратить внимание на этого активного участника литературной жизни, обычно незамечаемого в периоды расцвета литературы. И знаменательно то, что в данном случае внимание было обращено именно на рабочего читателя.

Задачи, поставленные себе К. Коссовым, очевидно, весьма скромны. В отличие от многих наших авторов, пишущих о читателе, он почти не делает никаких выводов из своих наблюдений и не пытается увязывать эти наблюдения с раз-

знанием современной немецкой социальной и литературной жизни. Выводы лежат за пределами статьи. Коссов же подходит к своей проблеме статически и описательно. Но материал и некоторые наблюдения интересны сами по себе. Они заслуживают большого внимания и поэтому еще, что К. Коссов является библиотечным работником в Штеттине, в одном из крупных портовых и промышленных центров северной Германии, населенном огромной, различного индустриального оружия пролетарской армией.

С точки зрения методологии и методики изучения читателя статья Коссова менее всего интересна для нас. В своем подходе к рабочему читателю Коссов стоит на нейтральной позиции. Он смотрит на рабочего глазами настроенного гуманистически и «общечеловечно» либерального мелкобуржуазного интеллигента, который просвещает и изучает своего «младшего брата», стоящего на более низкой ступени интеллектуального развития. Отсюда, понятно, исходит ряд очень важных следствий.

Наблюдая рабочего читателя со стороны и сверху, Коссов не может проникнуть в психологию и идеологию последнего и недооценивает его развитие. Отсюда, например, ложное мнение об отсутствии у рабочего читателя самосознания. Отсюда же неправильное мнение о том, что рабочий мало интересуется чистой политикой. Коссов стоит, повидимому, вдали от социально-политической борьбы и классовых интересов немецкого пролетариата. Иначе он бы знал, что рабочий обращается за книгами по чистой политике не только к нему в библиотеку, но в кой-какие другие места. Да простит нам Коссов, но именно так и обстоит дело.

Наконец наш автор рассматривает рабочий класс как нечто единое. Деля его лишь по половому и возрастному признаку (мужчины, женщины, молодежь) и по наклонностям к тому или иному виду литературы, он смешивает воедино рабочих различной квалификации и разных отраслей промышленности. А вопрос о квалификационных группах, различающихся между собой по степени материального положения, технического

и общего развития, должен всегда учитываться при подходе к рабочему читателю. Если бы Коссов учел это, он не говорил бы, что рабочий никогда не отклоняет «сытый и хвастливый идеализм Герцога», он также не утверждал бы тогда, что рабочий читает Форда потому только, что хочет найти «рецепт как стать Крезом». В данном случае наблюдатель перенес признаки квалифицированной, пропитавшейся мелкобуржуазными стремлениями, верхушки рабочего класса (например, мастеров) на всю рабочую массу.

Но, несмотря на то, что Коссов стоит вдали от психологии и идеологии пролетариата, некоторые тенденции рабочего читателя настолько ярко выражены, что не могли быть незамечены им. А тенденции эти таковы:

1) *Проявление классового иммунитета при подходе рабочих к книге.* «Вкус их только не осознан ими самими; инстинктивно же они отстраняют все то, что не соответствует их кругозору».

2) *Требование непосредственной полезности (утилитарности) книги* в приложении ее к повседневной жизни рабочего, к разрешению наболевших вопросов и т. д.

3) *Требование «жизненной правды» (реалистичности)* в художественном произведении. «Рабочий ищет в книге отражения живой действительности... Мысль его постоянно возвращается к вопросу о правдоподобии».

4) *Требование конкретной четкой предметности (Gegenständlichkeit)* в сюжете произведения. Рабочему «нужны описания событий, происшествий, душевных переживаний; ему нужно, чтобы художественное произведение обладало тем, что он видит в своей собственной жизни: известной четкой предметностью».

5) *Равнодушие и отрицательное отношение к форме и формальной изоэциренности как самоцели.* «К восприятию литературного произведения как (чистой) художественной формы он не способен... Пролетарий не воспринимает уточненного гурманства в области эстетики».

Эти верно подмеченные Коссовым тенденции рабочего читателя вполне совпадают с теми наблюдениями и выводами,

которые были сделаны нашими авторами. Так, например, в одной из последних книг о рабочем читателе, а именно в вышедшей в этом году интересной книге А. Бека и Л. Тоома — «Лицо рабочего читателя», мы имеем ряд сходных наблюдений. Здесь и подсознательный классовый подход при выборе и оценке произведений; здесь и требование утилитарности книги — «больше любим беллетристику, но полезную для науки», т. е. для расширения умственного кругозора; здесь и требования реалистичности и тесной увязки произведения с действительностью, выражающиеся в отрицательном отношении к тем фантастическим и авантюриным произведениям, которые «есть не что иное, как проект мысли», и в положительном отношении к тем из них, в которых «проект мысли» переплетается с действительностью и с жизненно правдивой мотивировкой; здесь, наконец, и отрицание формально-стилистических изощрений как самоцели.

Наконец очень интересно и показательно совпадение стремлений немецкого и русского рабочего читателя к таким произведениям, которые в немецкой поэтике носят название *Entwicklungsroman*. В таких романах герой-рабочий показан динамически, в своем реалистическом и правдивом развитии от одного жизненного, психологического и идеологического этапа к другому, в столкновении с различными социальными группами. То же самое относится и ко многим автобиографическим произведениям. Благо-

даря этому одинаковому стремлению, одинаковы и излюбленные произведения рабочего читателя. Такими являются произведения Синклера, Горького, отчасти Джека Лондона и ряда более мелких писателей этого типа.

Все перечисленные совпадения (а их можно было бы еще продолжить) говорят об *интернациональном характере литературных запросов и художественного вкуса рабочего читателя*. Так оно и должно было быть, и ничего поразительного здесь нет. Это лишь одна из социологических закономерностей.

В конце своей статьи Коссов говорит, что «библиотекарь с известной определенностью может установить, что читает немецкий рабочий; но вопрос более существенный обычно остается необъясненным, спорным и туманным, — это вопрос о том, что переживает рабочий при чтении, что в книге его захватывает и оказывает на него влияние». На последний вопрос может ответить лишь пролетарская критика и, главным образом, сам рабочий читатель. Так именно и намечается разрешение этого вопроса у нас, в той стране, жизнью которой, по наблюдению Коссова, так интересуются немецкие рабочие.

Но пролетариат Запада не может еще позволить себе роскошь изучать свои читательские запросы и реакции. Пред ним стоит сейчас более важная задача — создать те условия, при которых это изучение будет возможным.

Карл Коссов

ЧТО ЧИТАЕТ НЕМЕЦКИЙ РАБОЧИЙ? ¹⁾

Немецкий рабочий разбужен отзвуками и предчувствием социальных переворотов, потрясающих окружающий мир; он не придерживается предрассудков и не успокоен традициями и собственностью, как мелкий буржуа; он

непосредственное, впечатлительное систематически обученного интеллигента; поэтому он сильнее верит печатному слову, чем первый, и больше отдается ему, чем второй.

Обычно рабочему свойственно теплое, наивно-страстное отношение к книге. Там, где этого нет — виною не бледная рассудочность, а духовная тупость.

Для библиотечного работника, который должен подыскать для каждого человека нужную ему книгу, большим

¹⁾ «Was liest der deutsche Arbeiter» Von Karl Kassow (Stettin). «Die Literatur» Monatschrift für Literaturfreunde. Herausgegeben von Ernst Heilborn. Stuttgart, 1927. Juni. Heft 9.

препятствием является ограниченность индивидуальной самоосознанности, которая характеризует большую часть пролетариата. Смутное влечение к переживаниям и разрешению больших вопросов приводит этих людей в библиотеку. Не говоря уже о том, что их знакомство с авторами очень ограничено, — своя внутренняя жизнь им самим слишком мало ясна для того, чтобы они могли притти с определенными требованиями. Сначала может, пожалуй, показаться, что они податливы, как воск, что библиотекарь может образовать их вкус по своему желанию, но оказывается, что вкус их только не осознан ими самими; инстинктивно они отстраняют все то, что не соответствует их кругозору. Хотя, несомненно, очень многие выходят из указанной области. Я различаю у рабочих три главных направления читательского спроса, соответствующих растущему самосознанию, и в связи с этим три основные группы читаемого материала.

Самая большая часть из них берется за книгу в смутном романтическом стремлении найти в фантастическом выходе из рамок собственной среды в мир, более привлекательный или хотя бы более богатый впечатлениями и возможностями. Поэтому мужчина выбирает авантюрный и уголовный роман, а также роман исторический и приключенческие «путешествия»; женщины же — светский роман. Женщины-работницы почти все принадлежат к этой группе и редко дорастают до большей сознательности.

Следующая группа читателей обнаруживает уже пробуждающееся самосознание; характерна для этой ступени потребность духовного сотоварищества, совета и дружеского руководства в своем безрадостном жизненном пути, которая заставляет рабочего браться за социальный роман — историю им самим пережитых страданий.

Наконец наиболее редкой побудительной причиной является сознательное стремление выйти за пределы своего узкого кругозора путем расширения умственного горизонта. Одни из читателей этой группы предпочитают технику и политику, другие берутся за естественные науки, углубляются в зоологию

и даже астрономию. Кроме того и на этой ступени большой любовью пользуются «путешествия», но на этот раз путешествия научные.

Читатель первой группы поглощает с ненасытным наслаждением Герштекера и Карла Мая, Верисгоффера и Мадера Эммериха и Ниландера, Русселя, Марриэта и Хаггарта. Уже здесь бросается в глаза наивное искание «правды» рабочим; он обнаруживает живейшую потребность принимать все вымышленное за «правду». К восприятию литературного произведения как художественной формы он неспособен. Мысль его постоянно возвращается к вопросу о правдоподобии. Часто приходится слышать суждения вроде следующего: «Все это неправда, но все-таки я это читаю». Наряду с этим сознательным «все-таки» часто встречается упорное отстранение всего фантастического: есть много читателей, которые хотят только того, что «было в самом деле», и такие романы, как «На двух планетах» Ласвица и «Звезда Африки» Бюргеля одобряются рабочими редко.

Среди приключенческих писателей есть два любимца, которых сами рабочие рекомендуют друг другу: оба они «все» или «почти все» сами пережили — это Артур Хейе, пресловутый бродяга и романтический проказник, исходивший весь свет, и трезвый несентиментальный англосакс — Джек Лондон. Постоянно требуются книги «вроде как Хейе»: «Путешествие деревенского маляра по Америке» Шейрмана, «Немецкий бродяга в Америке» Розена, автобиографические сочинения Фабера, «Ад и рай на большой дороге» Хаземанна, «Без копейки вокруг света» Франка и «Пробандус» Фарра.

Женщины этой группы, отдавая предпочтение (как, впрочем, иногда и мужчины) легкому светскому роману, обнаруживают слабое классовое самосознание.

Рабочий так полон живых противоречий, что, ища в книге отдыха и удовольствия, он часто тешится тем, с чем борется в теории. Еще никогда я не слышал, чтобы рабочий отклонил смутный и хвастливый идеализм Герцога, и редко-редко спросит работница социальный роман. Напротив того, они находят

удовольствие в идеализирующих писателях, как Шпекман и Шреер, между тем, как более полнокровные — вроде Ленса, Фока и Кинау — остаются признанными любимцами молодежи, участвующей в рабочем юношеском движении.

Читатели социального романа различны по темпераменту. Тут и развитые честолюбивые юноши, которые черпают радость и надежду в сильных убеждениях воспоминаниях Бруно Бюргели; тут и полные горечи мятежные души, которых распалют беспощадные разоблачения Уптона Синклера, причем более зрелые, читая его, критически обсуждают и дополняют читаемое собственным опытом. Иные поглощают Золя, и когда велел за его романами из рабочей жизни они доходят до «Нана», то колеблются между отвращением и похотливостью.

Конечно, и здесь очень большую силу имеет лично пережитое: «Суровая жизнь» Пецельда, «Незаметный герой» Брёгера, «Голос сердца» Шибля и полные теплой человечности описания нужды Горького.

Но есть писатель, трогающий всех, влияние которого вернее, глубже и благотворнее, чем кого-нибудь иного: это датчанин Мартин Андерсен-Наксе. Тот, кто хоть раз видел этого широкого, коренастого человека с тяжелой походкой моряка и добрыми умными голубыми глазами поймет, почему он глубже чем кто-нибудь другой сумел затронуть сердце северно-немецкого пролетария.

Буржуазно-психологический роман находит редко отклики среди читателей-рабочих, его проблемы чужды их интересам. Исключение представляют крупные писатели, у которых общечеловечность темы доминирует над эстетическими достоинствами формы. Рабочий не воспринимает уточненного гурманства в области эстетики и интеллектуальной жизни; ему нужны описания происшествий, душевных переживаний, событий; ему нужно, чтобы художественное произведение обладало тем, что он видит в своей собственной жизни, известной четкой предметностью. Рабочего привлекает больше всего не тонкость ума, а сердечная чуткость и понимание того, как нужда порождает вину и преступление. Поэтому понятно, что рабочий

скорее, чем мелкий буржуа, принимает Роллана, и этим объясняется его любовь к Наксе и великим русским писателям.

Теперь мы подошли к рассмотрению последней группы читателей, в которой заметно уже сознательное стремление к расширению умственного кругозора. Число рабочих, совмещающих с ежедневным трудом планомерное чтение, довольно ограничено. Но они имеются, и даже в области художественной литературы некоторые из них одолевают путем систематического чтения одно за другим произведения великих мыслителей.

Но чаще рабочий стремится изучить другие области знания: ежедневная работа побуждает к обогащению технических познаний, и это касается не только близкой рабочему отрасли, но и общих вопросов развития и значения техники.

Кроме того рабочий хочет составить себе ясное представление об окружающем мире, о политических и хозяйственных отношениях. Здесь опять-таки велик спрос на «путешествия». О том, что в этом случае авантюризм фабулы не играет роли, свидетельствуют восхищенные произведениями Кольдина Росса, П. Рорбаха и неустанное чтение далеко не увлекательного Гедина.

Интерес к чистой политике не так велик и часто возбуждается отдельными книгами. Так как рабочий вообще ищет в книге отражения живой действительности и беспомощно останавливается перед чистой теорией, то и в данном случае он притормаживается, главным образом, описаний и конкретной критики: его интересуют воспоминания политических деятелей и больше всего описания жизни Советской России.

В последнее время три-четыре книги больше всего требуются рабочими: «Вильгельм II» Людвига; «Трагедия Германии» — книга ваварского генерала, полная умной и страстной критики старой Германии, и главным образом — «Моя жизнь, мои достижения» Генри Форда, а теперь еще его «Сегодня и завтра».

Правда, некоторые читают последние книги, надеясь найти в них рецент как статью Крезом. Но показательно то, что в первых двух книгах рабочий ищет и находит разъяснение причин своей тяжелой жизни, что он чувствует себя вос-

прянувшим и освобожденным ясным осознанием всего происходящего.

При требовании литературы «путешествий», как часто выясняется, играет большую роль любовь к животным. Много читаются романы о жизни животных Флейрона, Ленса, Аслагсона, Роберта, Томпсона, Шаувекера, Фенуса и т. д. Кроме того «Жизнь животных» Брэма и «Животные в зоологическом саду» Кнотнерус Мейера.

Мало читаются книги по медицине, антропологии; книги же по астрономии,

палеонтологии и первобытной культуре имеют большой спрос.

Таким образом библиотекарь с известной определенностью может установить, что читает немецкий рабочий; но вопрос более существенный обычно остается необъясненным, спорным и туманным, — это вопрос о том, что переживает рабочий при чтении, что в книге его захватывает и оказывает на него влияние.

Перевод *Татьяны Фалькевич.*